

МЕМУАРЫ ПРОТОИЕРЕЯ Н. КАРАШЕВИЧА О ПАЛОМНИЧЕСТВЕ В ПАЛЕСТИНУ И НА АФОН В 1872 Г.

Балдин Кирилл Евгеньевич

Ивановский государственный университет, г. Иваново

Мемуары паломников в Святую землю (Палестину) представляют собой очень своеобразный и интересный жанр литературы. Такого рода произведения были очень редкими в условиях Средневековья, стали появляться все чаще в российское Новое время, т.е. в XVIII - первой половине XIX в., и, наконец, получили весьма широкое распространение во второй половине позапрошлого столетия и в начале XX в. До середины XIX в. они выходили в основном из под пера любознательных представителей благородного сословия, путешествовавших по Восточному Средиземноморью, но с наступлением эпохи модернизации в Палестину потянулись также преподаватели семинарий и академий, т.е. ученое духовенство, а также простые провинциальные священники, как городские, так и сельские. Некоторые из них сто – полтора столетия назад опубликовали свои воспоминания на страницах местных духовных официозов - «Епархиальных ведомостей».

Абсолютное большинство этих источников личного происхождения до настоящего времени были прочно забыты как исследователями феномена российского паломничества, так и краеведами. Между тем, эти мемуары, а также дневники и письма могут предоставить в распоряжение историков, культурологов, религиоведов ценную информацию о конфессиональной обстановке на Ближнем Востоке, об отношениях между собой русской и греческой православных церквей, о повседневной жизни российских паломников в святых местах, о восприятии ими иного этно-культурного и религиозного мира. Одним из таких мемуаристов является провинциальный священник с Украины Никанор Карашевич.

Об авторе воспоминаний известно очень немного. Никанор Стефанович Карашевич окончил Волынскую духовную семинарию в 1843 г. и стал служить в уездном городе Старокопачинске Волынской губернии. В 1852 г. тяжело заболела эпилепсией его трехлетняя дочь, но по молитвам отца она выздоровела и о. Никанор дал обет возродить в городе Крестовоздвиженский храм. В течение года его трудами и энергией были собраны средства и произведены строительные работы, в 1853 г. храм был освящен. В 1872 г. о. Никанор совершил паломничество в Святую Землю и на Афон, а в 1874 г. на страницах «Волынских епархиальных ведомостей» появились рассматриваемые нами воспоминания об этой поездке. Как свидетельствуют статистические данные по г. Старокопачинску за 1883 г. в это время о. Никанор Карашевич по-прежнему являлся здесь священником в звании протоиерея [4].

Мемуары Н. Карашевича опубликованы в провинциальном духовном официозе «Волынские епархиальные ведомости». Такого рода журналы начали выходить в России по примеру «Губернских ведомостей» с 1860-х гг. в епархиях Русской православной церкви. На Волыни их стали издавать с 1866 г. в городе Кременец, типография располагалась по соседству в Почаеве. Как и другие повременные издания такого рода, «Волынские епархиальные ведомости» состояли из официальной и неофициальной частей. Воспоминания Карашевича появились в 1874 г. в четырех номерах подряд в неофициальной части, в каждом номере печатался фрагмент этого источника объемом от 16 до 22 страниц. Название этих путевых записок звучало так: «Записки о путешествии по Св. местам Востока».

Мемуары написаны в основном простым и доходчивым языком и читаются с интересом. При анализе их нужно, во-первых, учитывать социально-профессиональную принадлежность автора, он являлся действующим православным клириком и принадлежал к белому провинциальному духовенству. Во-вторых, его труд был рассчитан на совершенно

определенную читательскую аудиторию – представителей духовного сословия, для которого собственно и издавались «Епархиальные ведомости». Их выписывали и получали если не в каждом приходе, то, по крайней мере, в каждом благочинническом округе.

В связи с этим в тексте встречается довольно много архаичной лексики и церковнославянизмов. В частности, свой багаж о. Никанор называет «путешественной сумой». Церковь в Одессе, где он надеялся получить временное пристанище на пути в Палестину, он возвышенно именуется «пристанищем труждающихся и обремененных». Аналогичная лексика появляется в тексте тогда, когда он описывает главную святыню мирового христианства – храм Гроба Господня в Иерусалиме. Выступая гидом по нему, он с пафосом обращается к читателю: «внимем (!) сперва в придел бичевания Господа нашего...» [1, 1874, № 20, с.723; 1874, № 21, с.772].

Автор в тексте ведет заочный разговор с читателем, изредка напрямую обращаясь к нему. Предпослав своим путевым запискам пространное предисловие, о. Никанор как бы спохватывается и извиняется за это: «Добрые читатели! Не взыщите с меня за несколько утомительное вступление к рассказу о замечательных вещах истории, которые пришлось видеть мне во время моего путешествия» [1, 1874, № 20, с. 721]. Странствуя по Иерусалиму, автор «виртуально» показывает читателю достопримечательности Святого града; по ходу этой экскурсии он акцентирует прямыми обращениями к читателям особенно интересные памятники священной истории, например: «Теперь, добрые соотечественники, пойдёмте в подвал соломонова храма и взглянем на дела рук человеческих, живших до нас почти за 3000 лет» [1, 1874, № 21, с.781].

При чтении бросается в глаза простота и неискушенность автора. Хотя он не являлся сельским клириком, но все равно его менталитет отличался провинциальностью. Местом его духовного служения являлся город Староконстантинов – уездный центр Волынской губернии. В настоящее время город сохранил свое название и принадлежит к Хмельницкой области Украины. Эпитет «провинциальное захолустье» вполне подходило к этому городскому поселению.

После путешествия по железной дороге автор, судя по всему, впервые оказался в большом портовом городе Одессе. Торгово-промышленная жизнь последней была даже более оживленной, чем в Киеве. Одесса, по словам мемуариста, «немало удивила меня своим богатством, красотой, великолепием каменных зданий, изяществом и вкусом постройки домов и в особенности кипучей жизнью и движением торговли». Автор не мог не залюбоваться морем, «широко раскинутым в просторную даль и множеством судов и пароходов разносортных и разнокалиберных, на одном из которых мне предстояло плыть в Константинополь, а оттуда в г. Яффу – предпутье ко Св. Граду Иерусалиму» [1, 1874, № 20, с. 723].

По простоте душевной о. Никанор направился просить о ночлеге к ближайшей церкви, но Одесса являлась городом многоконфессиональным и первой на его пути встретила чуждая для него армянская церковь. Когда, он, сильно уставший от путешествия с тяжелым багажом по улицам, добрался до соборного храма, то здесь провинциала также ждал неприятный сюрприз. Первый встреченный им священнослужитель сурово отказал ему, сославшись на то, что для этого требуется разрешение соборного ключаря. Как видно, порядки в крупном городе были не такими патриархальными, как в уездной глуши на Волыни. Пришлось пройти еще около версты до гостиницы, где автор обрел временный приют до отправления судна [1, 1874, № 20, с. 723–724].

Большое беспокойство ему причиняла предстоящая поездка по морю, которая страшила его своей новизной и опасностью. От кого-то он узнал, что весной и осенью (он отправился в путешествие в марте) Черное море особенно неспокойно. Н. Карашевичу пришлось много времени провести в молитве, чтобы успокоиться душой. Кроме того, он сходил в Одессе в церковь во имя св. чудотворца Николая – покровителя путешественников по водам. Автор сообщает, что молитва здесь укрепила его веру в счастливый исход путешествия [1, 1874, № 20, с. 724].

Когда полоска родной земли скрылась из глаз, «опять было приуныло сердце». Однако оказалось, что пароход, несмотря на волнение, вовсе не собирается тонуть. Кроме того, автор и его спутники видели, что «начальствующие над судном» абсолютно спокойно выполняют свои профессиональные обязанности. Это вселило уверенность в русских паломников, которые находились на корабле и в дальнейшем автор охотно говорит о тех судах, на которых ему приходилось путешествовать. Для справки отметим, что из Одессы в Константинополь их доставил российский пароход «Буг». На этом общение паломников с отечественным пассажирско-торговым флотом и закончилось. Из Константинополя в Яффу шел австрийский пароход, обратно до пролива Дарданеллы – тоже, и билет на него покупали в специальном австрийском агентстве в Яффе. От пролива до Афона, а затем в Константинополь русские паломники путешествовали на турецком судне. В столице Османской империи они пересели до Одессы на итальянский пароход, который, по словам восхищенного мемуариста, был «великолепного новейшего устройства» [1, 1874, № 20, с. 725, 726, 730; 1874, № 22, с. 818, 820; 1874, № 23, с. 841–842].

От себя заметим, что радоваться и восхищаться было нечему. Как следует из текста, не только в Средиземном, но и в значительной степени в Черном море, курсировали на торгово-пассажирских линиях пароходы, ходившие под иностранными флагами. Еще в 1856 г. было создано Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), призванное противостоять иностранному засилью в судоходстве. Оно начинало свою деятельность с пяти пароходов, а в 1869 г. уже эксплуатировало 63 судна, которые в том же году совершили 2867 рейсов, перевезли 430 тыс. пассажиров, не считая большого количества коммерческих грузов. РОПИТ на регулярной основе обслуживал 20 линий, из них 6 международных, в том числе в Константинополь, Александрию, Марсель, Лондон. Никанор Карашевич воспользовался судном этой кампании под названием «Буг» (мощностью 144 лошадиных сил и в 1800 тонн водоизмещения) для того, чтобы добраться от Одессы до турецкой столицы. [7]. В дальнейшем его вместе с его спутниками перевозили иностранные пароходы.

Таким образом, о. Никанор то ли по простоте душевной, то ли по недостатку информированности не проявил того патриотизма, которого бы можно было от него ожидать. Вместо того чтобы посетовать на отсутствие российских пароходов на линиях в Восточном Средиземноморье и тем более в Черном море, он наивно восхищался иностранным судном. Забегая вперед, отметим, что на рубеже XIX - XX в. российские пароходы уже обслуживали рейсы от Одессы до Яффы и Александрии, доставка паломников в Святую Землю стала важным направлением пассажирского сегмента деятельности РОПИТ.

Наряду с простотой, безыскусностью мемуариста сквозь строчки просматривается его искренняя религиозность. Упоминание имени Бога встречается на страницах мемуаров очень часто. Путешествие на Ближний Восток для о. Никанора было обетным: он обещал Богу отправиться ко Гробу Господню в трудный момент, о котором он на страницах мемуаров умалчивает: «Но я считаю долгом, прежде всего, заметить, что мое путешествие по св. местам Востока не было следствием одного любопытства; нет, оно вытекало из глубокой душевной потребности исполнить обет, данный Господу Богу в трудных обстоятельствах моей жизни. Преследуемый с юности и доныне общим врагом человечества – дьяволом, я ни в ком и никогда не полагал моего упования, исключая одного Бога. В нем одном находил отраду, помощь и спасение и только по Его неисповедимой благодати «есмы еже есмы» [1, 1874, № 20, с. 721].

К Богу автор обращается и для того, чтобы поблагодарить его за получаемые блага и в минуты уныния. Например, приехав в Одессу и увидев беспокойное море, автор впал в грех уныния. Однако спасла и приободрила автора все та же крепкая вера, он воспрянул духом: «К этому расположил меня Тот Самый Верховный укротитель стихий, Который во время оно подал руку помощи утопавшему Ап. Петру. Он всеблагий и мне грешному указал на прибрежный храм Святителя и чудотворца Николая, в котором, помолившись перед отплытием, я совершенно разогнал в себе мглу боязни, смущавшую меня» [1, 1874, № 20, с. 724].

Совершенно особенные слова мемуарист находит для описания своего пребывания в святынях вселенского христианства. Вот как эмоционально переживал он свой первый приход в храм Гроба Господня: «Что чувствовало мое сердце и в каком состоянии была душа, когда я прикладывался к ложу Господа, одетому беломраморной доской, из-под которой самым ощутительным образом исходит райское благовоние – этого передать я не в состоянии.... Я долго не мог оторваться от этого тихого пристанища, читая самые умильные, молитвы и изливая обильные струи слез, которые в этом святом месте даются свыше каждому почти молящемуся как целебный бальзам в сокрушении сердечном» [1, 1874, № 20, с.736].

Текст мемуаров представляет собой довольно интересно изложенную информацию о тех местах на Ближнем Востоке, где побывал автор. В целом изложение носит чисто описательный характер, оно прерывается только эмоционально окрашенными рассуждениями о христианских святынях, которые встречаются на пути автора. Только один раз в мемуарах встречается небольшая справка, посвященная истории Иерусалима. Судя по ее содержанию, она представляет собой сводку тех сведений, которые любой внимательный читатель может обнаружить на страницах Ветхого Завета [1, 1874, № 21, с. 266–267]. Автор не пользовался какой либо научной литературой при написании мемуаров, впрочем, этого было невозможно ожидать от простого провинциального иерея, имевшего только семинарское образование и являвшего не ученым богословом, а «практиком». Также в тексте нет видимых следов использования при написании текста даже обычных путеводителей.

Для сравнения обратимся к другим мемуарам, которые написаны посетившим Палестину в 1890-х гг. священником Евгением Мерцаловым, они называются «От Петрозаводска до Иерусалима и обратно» [6]. Они снабжены многочисленными ссылками на источники личного происхождения, прочитанные автором и на научную литературу, проштудированную им. Он очень часто цитирует «Хождение» игумена Даниила в Палестину – первого русского паломника XII в. в Святую Землю, оставившего свои путевые записки [6, с. 138, 156, 160, 201, 203, 217–218, 229, 232, 240]. Отец Евгений знал литературу эпохи Древнего мира, в частности христианского богослова Евсевия Кесарийского [6, с. 137, 160, 179, 191, 228, 240], работы русского палестиноведа и профессора Киевской духовной академии А.А. Олесницкого [6, с. 196–197, 243–244]. Он же внимательно прочел воспоминания о паломничестве в Палестину своих предшественников, в частности. А.С. Норова [6, с. 57, 125, 141, 146, 205] и др. Е. Мерцалов в отличие от Н. Карашевича имел академическое образование, будучи выпускником Киевской духовной академии, преподавал в Олонецкой духовной семинарии, соответственно его общекультурный и богословский кругозор был значительно шире, чем у простого священника [6, с. 7–8].

Хотя автор не пользовался путеводителями или же умалчивает об этом, сами мемуары о. Никанора представляют собой своеобразный путеводитель по святым местам. В самом начале своего повествования он информирует о необходимости получить разрешение на паломничество от епархиального владыки. Далее потенциальные путешественники могли узнать о том, что по пути они имеют возможность остановиться в Одессе в гостинице при местном архиерейском доме, а в Константинополе – на подворьях афонских монастырей и что заграничный паспорт можно оформить в Одессе за один день [1, 1874, № 20, с. 722, 724]. В дальнейшем автор сообщает «добрым читателям» о том, где можно остановиться на ночлег в палестинском порту Яффа и в самом Иерусалиме. В первом случае это российское консульство, а во втором – русская гостиница [1, 1874, № 20, с. 734, 735]. Таким образом, о. Никанор осуществлял информационное сопровождение паломников в святые места.

Мемуары напоминают путеводитель, потому что автор подробно останавливается на описании святынь вселенского христианства, которые входят в неофициальный, но почти обязательный список для посещения любого паломника. Особенно подробно он останавливается на главной святыне Иерусалима – храме Воскресения Христова. Он повествует не только о часовне Гроба Господня и Голгофе, но и всех приделах, которые здесь имелись (приделы бичевания Господа, Богородицы. Логгина Сотника и др.). Речь в

анализируемом нами тексте идет о и других святынях города: храмах Константина и Елены, монастырях: Никольском, во имя Иоанна Предтечи и др. Автор не ограничивается общехристианскими и православными святынями, он сообщает информацию о посещенных им инославным объектах – католических монастырях и армянской патриархии. При этом сообщается не только о внешнем виде культовых сооружений и их внутреннем убранстве. Автор, памятуя, что его записки станут достоянием гласности, объясняет, как пройти к этим объектам по довольно запутанной сетке иерусалимских улиц и переулков [1, 1874, № 21, с. 768–780]. То же самое касается не только Иерусалима, но и других святынь Палестины и Афона.

По страницам мемуаров о. Никанора разбросаны в большом количестве хронотопы Святой Земли. Это пространственно-временные связи, которые касаются двух пластов священной истории – библейского и евангельского. Автор путешествовал по различным священным местам и рассказывал соответствующие новозаветные и ветхозаветные сюжеты, которые у него четко привязаны к определенным местам. Одним из таких хронотопов был город Ларнак на острове Кипр, где на некоторое время высадились русские паломники. В алтарной части местной церкви покоились мощи друга И. Христа – Лазаря, воскрешенного Спасителем. Автор отслужил молебен этому святителю [1, 1874, № 20, с. 731]. Другим примером хронотопа являлся Гефисманский сад, в котором происходило евангельское моление о чаше, здесь же Иисус был предан Иудой. Особое внимание автора в этом священном месте привлекли вековые деревья-маслины. Они были, по выражению о. Никанора, «отродьями» тех деревьев, под которыми молился Спаситель [1, 1874, № 21, с. 785]. Относительно Крестного монастыря рядом с Иерусалимом автор не преминул упомянуть, что здесь было срублено дерево, из которого изготовили крест для распятия Христа [1, 1874, № 22, с. 809].

Несмотря на сквозящую сквозь строки простоту автора и его молитвенные восторги в святых местах, он в самом конце мемуаров предстает перед нами как человек весьма практичный. Три из четырех приложений представляют собой рекомендации потенциальным паломникам в Святую Землю и на Афон. Здесь автор предлагает читателям оптимальный маршрут путешествия, который предполагает, что поклонники посетят все основные святыни и застанут здесь важные для любого христианина Великий пост и Пасху, и вдобавок нигде не будут задерживаться. Этот маршрут предусматривал их выезд из России на масленицу, пребывание на Афоне в течение первых трех недель Великого поста, а затем путешествие в Палестину с целью встретить Пасху в Иерусалиме на месте Воскресения Христова [1, 1874, № 23, с. 853].

Практичность автора особенно рельефно видна в приложении, носящем названием «О количестве денежного и продовольственного содержания, необходимого для путешествия по св. местам Востока». В нем подробно перечисляются расходы, которые мемуарист понес во время путешествия. В числе их упоминается стоимость пароходных билетов Одесса-Константинополь (4 р.) и Константинополь – Яффа (11 р.), оформление заграничного паспорта (2 р. 20 к.), плата за гостиницы в различных городах, расходы на пожертвования и т.п. По расчетам автора для путешествия вполне хватит 90 рублей, а если взять в дорогу побольше сухарей и питаться ими, то можно обойтись даже 70 рублями. Из этих расчетов автор делает однозначный и ободряющий для будущих паломников вывод о том, что путешествие в Святую Землю вполне доступно не только для провинциального священника, но и для крестьянина среднего достатка [1, 1874, № 23, с. 852].

На страницах мемуаров Никанора Карашевича отчетливо прочитываются такие социологические и одновременно психологические категории как слухи и страхи. Слухи представляли собой устную народную информацию, в которой реальные события и явления порой трансформировались до неузнаваемости. Слухообразующими элементами, т.е. «кирпичиками» информации становились экстраординарные события, необычные люди, отличавшиеся от русских по внешности, поведению и менталитету.

Автор говорит, что еще у себя на родине слышал, что Черное море особенно беспокойно во время осеннего и весеннего равноденствия, а именно на март выпадало путешествие автора из Одессы к берегам Палестины. Этот слух по прибытии в Одессу быстро превратился у автора в страх, как только он увидел море, судя по всему – первый раз в жизни. Он пишет в воспоминаниях, что у него «заныло сердце, и много-много употребил я усилий, пока ободрился духом». Страх был вполне естественным и не только потому, что он основывался на слухе, но и потому, что Н. Карашевич был человеком сугубо сухопутным. Ему удалось побороть страх только с помощью веры после молитв Спасителю, а также св. угоднику Николаю – покровителю всех путешествующих по водам [1, 1874, № 20, с. 724].

Страх по тому же поводу не раз повторился, т.к. путешествие было длительным. Второй раз боязнь охватила волынского батюшку вскоре после отплытия из Одессы: «Судно понеслось быстро, и Одесса скрылась от наших взоров. Вот теперь прости, земля родная, подумал я про себя, очутившись на безбрежной воде под открытым небом, где не слышно ничего, кроме плеска волн о бока судна, где не видно ничего, кроме неба и воды. Опять было приуныло сердце». На этот раз приступ страха был погашен тем, что «начальствующие над пароходом» (т.е. капитан и команда) вели себя спокойно и уверенно, внушая своим поведением чувство безопасности пассажирам [1, 1874, № 20, с. 725].

Страшной показалась пассажирам высадка на берег в Яффе, хотя, казалось бы, они должны были быть счастливы от прибытия в Святую землю. Гавани в Яффе не было, и пароходы останавливались далеко от берега. Несмотря на волнение на море, к судну быстро приблизились лодки с арабами-перевозчиками. По знаку капитана они хватили не ожидавших этого пассажиров буквально в охапку и вместе с их багажом сажали в свои утлые суденышки. На всю жизнь автору запомнилась эта сцена, сопровождаемая криком и бранью паломников, лодочников и матросов [1, 1874, № 20, с. 733].

На слухах, во многом справедливых, основан был страх паломников перед теми, кого автор назвал «хищными арабами, бедуинами и иными кочевыми народами». Страх возник, по всей вероятности в результате рассказов проводников, которые любили разные «страшилки» и обращали внимание поклонников на то, что большинство христианских святынь в Палестине представляют собой укрепления, которые могли выдерживать длительные осады местных вооруженных племен [1, 1874, № 22, с. 814]. В соответствии с имеющейся классификацией слух о «хищных арабах» может быть квалифицирован как слух-пугало. Это были, как правило, неофициальные сведения о жестоких штормах, бушующих на морях, об агрессивном и фанатичном местном населении Палестины и т.п. Существовали также слухи-желания, т.е. индивидуальное или коллективное стремление к какой-либо цели, чаще всего имеющей благой характер. К этой категории можно отнести распространенный среди русских паломников слух о том, что когда-нибудь на храме святой Софии в Константинополе, превращенном турками в мечеть, будет водружен православный крест. Что касается еще одной категории - агрессивных слухов, то они не были распространены среди православных паломников, являвшихся людьми сугубо мирными [5].

В мемуарах почти всех паломников, направившихся в Палестину и на Афон, зримо присутствует категория «другого». В социологической науке различаются два ее вида. Во-первых, это значимый другой, о котором у рефлексирующего субъекта имеется определенная информация. Во-вторых, этот обобщенный другой, о котором сведений нет или они не очень недостоверны, будучи основаны не на точном знании, а на слухах.

Категория «другого» может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус. Русские паломники имели более или менее точные сведения о том, что они едут в иные края, расположенные в другом культурном пространстве и в другом климатическом поясе. Источники этого знания были письменными или устными – путевые записки предшественников, либо рассказы бывалых паломников. Информация эта представлялась отрывочной, поэтому столкновение с реалиями Ближнего Востока порой было неожиданным. Характерно, что в мемуарах о. Никанора ничего не говорится о жарком

климате, особенностях флоры и фауны. Вероятно, он считал это суетным, а, следовательно, не нужным и даже не достойным появления на страницах своих записок.

Первым необычным и никогда не испытанным до тех пор ощущением стала самая тривиальная морская болезнь, которой страдал не выходявший ни разу в море о. Никанор. Он постепенно усиливалась, сопровождалась тошнотой и полной потерей аппетита. Без пищи автор оставался двое суток и с большим трудом пережил эти испытания. «Утешение и помощь» пришли от его попутчика – афонского иеромонаха о. Паисия, который «с ангельской заботливостью» ухаживал за о. Никанором [1, 1874, № 20, с. 725].

В дальнейшем «другое» выглядело на страницах мемуариста гораздо более привлекательно и чаще всего оно ассоциировалось с греческой православной церковью. Русским паломникам обязательно приходилось сталкиваться с ее рядовыми клириками и епископатом. В этом отношении характерны строки, описывающие краткое пребывание русских на пути из Яффы в Иерусалим в местечке Лидда. Здесь «добрые греческие монахи» (слова Н. Карашевича) приняли русских как старых знакомых и угостили фруктами. В дальнейшем положительное отношение к грекам Афона, Константинопольского и Иерусалимского патриархатов как к «единоверным эллинам» не меняется на протяжении всего текста воспоминаний [1, 1874, № 20, с. 734; 1874, № 23, с. 835].

Не у всех мемуаристов единоверные греки выглядят «добрыми». Известный русский путешественник А.В. Елисеев, несколько раз посетивший Палестину и хорошо знавший ее реалии. Он громко сетовал на широкое распространение католичества и лютеранства в Святой Земле и, на наш взгляд, совершенно справедливо бросал упрек в этом греческому духовенству: «Как и повсюду в Палестине, греческие монахи не оказались здесь на высоте своего призвания, не сумели поддержать падавшего православия и допустили проделать в нем значительные бреши» [Елисеев, с. 347]. Действительно, сотни и тысячи местных православных арабов во второй половине XIX в. под влиянием западной религиозной пропаганды перешли в «латинство» или лютеранство.

Первый раз единство с сестринской церковью русские паломники испытали буквально на третий день путешествия, оказавшись в чуждой и где-то даже враждебной турецкой столице. Здесь они нашли в мусульманском море единоверный островок в греческой церкви Балаклии, где о. Никанору позволили отслужить на русском языке молебен о здравии российского императора, всей царствовавшей семье Романовых, и членов российского Святейшего Синода. Сделать это в чуждом окружении было очень важно для русских [1, 1874, № 20, с. 728]. С.Ю. Житенев в этой связи отмечал, что социальная сущность паломничества тесно коррелируется с процессами религиозной и этнокультурной самоидентификации [2, с. 156].

Особенно значимым для русских паломников было посещение иерусалимского патриарха. В русской иерархии не было предстоятеля церкви с таким титулом, поэтому паломники отнеслись к нему со всем возможным пиететом. До аудиенции они были приятно поражены тем, что патриарший архиерей о. Гавриил неплохо знает русский язык. Беседа с патриархом шла через переводчика, во время ее мемуарист подарил главе Иерусалимской церкви икону Почаевской Богоматери [1, 1874, № 20, с. 737].

Как большую честь для себя автор воспринял предложение патриарха участвовать совместно с ним в богослужении в Воскресенском храме, причем в Вербное воскресенье и на второй день Пасхи. Простой провинциальный батюшка из украинской глубинки был вне себя от счастья и не преминул в мемуарах упомянуть, что с ним в сослужении находились восемь архиепископов, четыре архимандрита, двенадцать иеромонахов и три архиерея [1, 1874, № 20, с. 738].

«Другое» не было бы другим, если бы оно не отличалось от того, чтобы представлялось для мемуариста привычным. Отправляясь на Ближний Восток, паломники, особенно духовного звания, хорошо знали, что здесь им придется столкнуться с греческими церквями – Иерусалимской, Константинопольской, Антиохийской, Александрийской. Паломники догадывались о том, что хотя они являлись православными структурами, но

различия, обусловленными историческими причинами, между ними и российской церковью имеются. Причем эти различия находились не в «концептуальной» сфере, а в обрядовой.

Эти особенности лежали на поверхности и в первую очередь бросались в глаза мемуаристу. Во время церемонии, сопровождавшей схождение святого огня в ночь на Пасху, они были настолько «другими», т.е. любопытными и необычными, что о. Никанор посвятил им самое большое по объему приложение к своим воспоминаниям – «О святом огне и благодати». Перед схождением огня в храм Гроба Господня пришедшие сюда арабы с громкими криками начали бегать вокруг кувуклии (часовни) Гроба. Их радостные возгласы автор перевел на русский язык так: «Турок верой не хорош, армянин верой не хорош, католик верой не хорош, только араб и греков вера хороша, тверда и несокрушима». Турецкая охрана храма и солдаты пытались утихомирить их, но они в состоянии эйфории даже не чувствовали боли от наносимых им ударов [1, 1874, № 23, с. 843–845]. Отношение автора к этому эпизоду выглядит двояким. С одной стороны, для него поведение арабов выглядит неадекватным, т.к. одним из правил богослужения в России являлись соблюдение тишины и благочиния. С другой стороны, автор не склонен серьезно осуждать излишне шумных приверженцев православия. Для него они – не более чем дети природы, которые выражают свой религиозный восторг привычным для них способом.

Автор немало удивлялся тому, какие «другие», т.е. оригинальные обычаи существовали у единоверных эллинов, как в религиозной, так и в мирской жизни. Во время остановки в Смирне на пути в Иерусалим он наблюдал, как во время службы в православном храме молодые греки стреляли постоянно в его дворе из ружей. Автор предположил, что это делается для придания службе большей торжественности, сам же в душе был убежден, что это лишнее [1, 1874, № 20, с. 731].

В рассматриваемых нами мемуарах почти нет упоминаний о природе, которая в Палестине и на Афоне была более чем «другой» по сравнению с Россией. В частности, автор не упоминает об особенностях климата, флоры и фауны Ближнего Востока. Вероятно, он считал такого рода материал слишком мирским, приземленным и не достойным для жанра паломнических записок. Это не означает того, что и другие паломники ставили для себя подобные же тематические рамки. Архимандрит А. Капустин, который долгое время возглавлял Русскую духовную миссию в Иерусалиме, в описании своего первого путешествия в Святую Землю в 1857 г. постоянно жаловался на жару, которая в летний сезон была особенно изнурительна для обитателей умеренного климатического пояса. На страницах его воспоминаний постоянно встречаются упоминания о том, что «...солнце палило июльским зноем», «...духота гнала вон из комнаты», «...не смогли заснуть от духоты в своем... номере» [Антонин, с. 12. 179].

Для мемуаров Никанора Карашевича характерна ярко выраженная бесконфликтность. На их страницах почти нет отрицательных характеристик, критики того, что он видел во время своего путешествия. Это объясняется, в первую очередь, не особенностями характера автора, а особостью эпохи, в которой он жил. Во-первых, всего около полутора десятилетий минуло с окончания николаевского царствования, отличавшегося жестким преследованием всего, что выходило за рамки, заданные властью. Всего около десятилетия минуло после того, как было отменено в стране крепостное право. Что особенно важно, в 1872 г., когда было совершено путешествие мемуариста, уже закончился общественный подъем 1860-х гг. Поэтому работник «идеологического фронта» священник Карашевич предпочитал не выступать с критикой, руководствуясь беспроязычным принципом «как бы чего не вышло...» Хотя несколько небольших исключений из этого правила на страницах мемуаров все же можно отыскать.

Одно из немногих критических замечаний адресовано живописцу, расписывавшему греческую церковь в Балаклии (Константинополь). Он отмечает, что у художника «кисть не очень изящна». Учитывая боязливость автора в высказывании своего мнения и стремление сглаживать острые углы, можно предположить, что живопись здесь была действительно скверной [1, 1874, № 20, с. 728].

Мемуары многих других паломников отличаются значительно большей критической заостренностью. Так анонимный автор описания паломничества епископа Арсения, посетивший вместе с ним святые места в Восточном Средиземноморье, высказывал возмущение по поводу того, что турки исказили архитектурный облик храма св. Софии в Константинополе, обстроив его минаретами и неуклюжими контрфорсами. Свои впечатления после посещения этой бывшей православной святыни, превращенной в мечеть, тот же автор суммировал следующим образом: «...мы со скорбным чувством ушли из опустошенной, заброшенной, но еще грандиозной Софии» [В стране священных воспоминаний...С. 525, 531].

В целом ряде мемуаров «другое», снабженное совершенно однозначным знаком минус превращается в «чужое», которое воспринимается русскими паломниками как однозначно неприемлемо и даже враждебно. Известный русский путешественник А.С. Норов, в величайшей христианской святыне - храме Гроба Господня «...тотчас при входе, в ложе привратника, увидел...сидящих поджав ноги, турок, с трубками во рту и играющих в шахматы». Поэтому не случайно при молитве в этом храме он произнес: «Господи,...страдания Трои еще не прекратились! Крещенные святым Твоим Именем и искупленные Тобой владеют этим миром, а нечестивые стерегут святилища Твои!» [Норов, с. 44].

Будучи православным человеком, о. Никанор, тем не менее, не упустил возможности посетить святыни, которые были связаны с земной жизнью Спасителя, Богородицы и их окружения, но принадлежали иным христианским конфессиям. Здесь категория «другого» предстает перед читателями более рельефно, чем при описании богослужбных особенностей в греческих церквях. В Иерусалиме автор осмотрел католические монастыри: францисканского ордена и монастырь во имя Иоакима и Анны. Он также сходил на экскурсию в армянскую патриархию, где присутствовал на службе предстоятеля армянской церкви, обратив внимание, что «перстосложение и рукодвижение» у армян делается по западному образцу. Несмотря на то, что эта служба велась в пасхальный праздник, она проходила в полном молчании, которое, по наблюдению о. Никанора «для нас православных показалось скучным в особенности в такой всерадостнейший день» [1, 1874, № 21, с. 778–781]. Это еще один из немногих случаев в мемуарах Карашевича, когда он счел нужным отклониться от принципиальной безоценочности своего изложения.

Категория «другого» всплывает при описании посещения автором важнейшей христианской святыни – Гефсиманского сада, разделенного на две части. Одна из них принадлежала католикам и автор вынужден признать, что латиняне ее содержали очень аккуратно, это пространство окружено каменной стеной. Второй частью сада владели православные греки, она была огорожена только со стороны дороги. Несмотря на это, для о. Никанора «другой» все же является католическая часть, а некоторая запущенность пространства, принадлежавшего грекам, по его словам «придает месту больше патриархальности и внушает историческую меланхоличность» [1, 1874, № 21, с. 785 – 786]. Очевидно автор не нашел более подходящих слов, чтобы оправдать «единоверных эллинов» за недостаточную заботу о святыне.

Автор обратил внимание на отличия в обрядовой практике, существовавшие на Афоне, хотя русские монастыри на Святой горе и на родине автора относились к одной и той же церкви. Афонская служба, афонские иконы, различного рода священные сувениры со Святой горы всегда считались в России особо благодатными. Служба на Афоне отличалась подчеркнутой истовостью, тщательностью и длилась дольше, чем в российских храмах. Если обращаться к рассматриваемой нами категории «другого», то здесь оно отличалось от того, что мемуарист видел на родине, однозначно в положительную сторону. Сигналом к святогорской службе служило то, что монахи сначала около четверти часа били в деревянную доску, потом – в большой колокол и, наконец, четверть часа продолжался трезвон всех колоколов обители. Затем иеродиакон в церкви очень тщательно в продолжение целого часа кадили весь храм, всех стоящих в нем и каждого в отдельности.

Столь же продолжительно и истово отправлялись и другие части литургии. Необычным и немного страшноватым для автора показался способ захоронения афонских монахов. Их останки через несколько лет после смерти извлекали из земли, черепа расставляли на полках с написанными на них именами «владельцев», а все прочие кости складывали в огромный ящик [1, 1874, № 23, с. 835, 838–839].

Источники личного происхождения – воспоминания, дневники, письма являются самым колоритным и интересным сегментом в общем источниковедческом комплексе проблем исторической науки. Делопроизводственные документы, сухие цифры статистики не могут сравниться с мемуарами по живости восприятия событий и явлений окружающей жизни. В то же время профессиональные историки хорошо знают, насколько обманчивыми порой бывают источники личного происхождения, в которых как сами факты, так и их интерпретация бывают очень субъективными. Не менее опасно доверять на первый взгляд объективным и безоценочным воспоминаниям, таким как мемуары Н. Карашевича, так как автор склонен скрывать те или иные противоречия, с которыми встречался на своем пути, сглаживать острые углы. В результате читатель получает если не искаженную, то неполную информацию.

Большинство воспоминаний, дневников и эпистолярных источников представляются интересными, но в узко понимаемом практическом плане они не представляют интереса для их читателей. В этом отношении мемуары о. Никанора являются довольно редким исключением. В подзаголовке из названия отсутствует слово «Путеводитель», автор не претендовал на то, чтобы его путевые впечатления относились к этому жанру. Однако «хождение» о. Никанора в Святую землю и на Святую гору обогатило его опытом, которым он поспешил поделиться с любознательными читателями, среди которых были и потенциальные паломники в святые места. В тексте указаны святые вселенского христианства и православия, которые обязательно нужно или целесообразно посетить, обозначены пути подхода к ним. Автор приводит довольно точную калькуляцию расходов, которые ожидали паломников с разбивкой их на отдельные статьи, а также указывает время года, в которое лучше всего совершить паломничество с привязкой к значимым событиям церковного календаря (Великому посту и Пасхе). В мемуарах уделяется внимание и соображениям безопасности, которые были немаловажными в иноверной для русских Османской империи.

Мемуары Н. Карашевича были написаны типичным представителем российского провинциального духовенства, и это наложило особый отпечаток на рассмотренный нами текст. В отличие от светских паломников, попадавших в Палестину, в мемуарах Карашевича, как, впрочем, и в других известных нам воспоминаниях священников и монашествующих лиц, обращается особое внимание на мельчайшие подробности устройства христианских святынь, на ритуальную сторону религиозного культа, на обрядовые и иные отличия русской и греческой православных церквей. Значительно меньше священники-мемуаристы уделяли внимание красоте природы, климату, пище, способам передвижения.

Полученный во время путешествия к христианским святыням опыт и впечатления наверняка позволили о. Никанору, как и другим паломникам, пройти важный процесс самоидентификации. Посетив дальние страны и увидев отличия их конфессионального пространства от того, что он на время оставил в России, он в большей степени ощутил себя человеком русским и православным. Таким образом, идентификация паломников имела как религиозный, так и этнокультурный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волынские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная.
2. Житенев, С.Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: Социокультурные, коммуникативные и цивилизационные аспекты / С.Ю. Житенев. – М.: Индрик, 2012. – 264 с.

3. Карашевич Никанор Стефанович. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.gosgenea.ru> (дата обращения: 19.09.2016). – Загл. с экрана.

4. Крестовоздвиженский мужской монастырь г. Староконстантинова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.azbuka.ru/palomnik> (дата обращения: 19.09.2016). – Загл. с экрана.

5. Латынов, В.В. Слухи: социальные функции и условия появления. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.psyfactor.org/lib/rumors3htm> (дата обращения: 13.11.2014). – Загл. с экрана.

6. Мерцалов Евгений, священник. От Петрозаводска до Иерусалима и обратно. Путевые заметки и впечатления паломника / Е. Мерцалов – М.: Индрик, 2014. – 256 с.

7. Скальковский, А. Русское Общество пароходства и торговли. 1857 – 1869 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_40/alm_6-19.pdf (дата обращения: 16.09.2016). – Загл. с экрана.

8. Староконстантинов – первая твердыня князя Константина-Василия Острожского. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pohodnik-forever.blogspot.ru/2012/04/blog-spot.html> (дата обращения: 19.09.2016). – Загл. с экрана.

В стране священных воспоминаний (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года Арсением, епископом Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии в сопровождении некоторых профессоров и студентов // Богословский Вестник. 1901. Т.1. № 3. С. 493 - 531 (2-я пагинация).

Антонин Капустин, архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М.: Изд-во «Индрик», 2007. 236 с.

Норов А.С. Путешествие в Святую Землю в 1835 году. М.: Изд-во «Индрик», 2008. С. 292.

Елисеев А.В. По белу-свету. Очерки и картины из путешествия по трем частям старого света. В 4-х т. Т. II. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1904. 364 с.

Опубликовано: Вестник Волгоградского университета. Серия 4. 2017.

Т.22. № 2. С. 35 – 46.